

Иллюстрация на фронтисписе:
Константин Вагинов. Около 1920 года.
Из открытых источников

Текст печатается по изданию: Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. — М.: Современник, 1991.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
В12

Вагинов К.

В12 Козлиная песнь / Константин Вагинов. — М.: Альпина Паблишер, 2024. — 200 с.: ил. — (Главные книги русской литературы).

ISBN 978-5-9614-9196-8

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9196-8

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alrina.ru.

© Шубинский В., предисловие, 2023
© ООО «Альпина Паблишер», 2024

Предисловие «Полки»

Вагинов — певец несвоевременного и неуместного.

В литературной жизни Петербурга 1920-х он всегда держится особняком. В своей главной прозаической книге он наблюдает за тем, как осколки Серебряного века тонут в пошлости нового времени. «Козлиная песнь» в буквальном переводе с древнегреческого — трагедия, но Вагинов пишет эту трагедию с отстраненной и печальной усмешкой.

Валерий Шубинский

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О компании или круге ленинградских интеллектуалов середины 1920-х годов. Все участники этого круга — прежде всего двое главных героев, «неизвестный поэт» (только ближе к концу книги мы узнаем его фамилию — Агафонов) и филолог Тептёлкин, — считают себя последними представителями «гуманистической», «эллинистической» культуры, которой противостоит новое варварство. Но их притязания с самого начала сомнительны: пафос Тептёлкина временами вызывает иронию, интересы второстепенных героев (например, поэта и дантиста Миши Котикова и искусствовед Кости Ротикова) носят болезненно-эксцентричный характер.

В финале книги (особенно в первой и третьей редакции) практически все герои терпят моральное поражение. Агафонов, чувствуя, что его дар угас, кончает жизнь самоубийством, Тептёлкин, женившийся на своей возлюбленной Марье Петровне Далматовой, постепенно погружается в обывательский быт и отрекается от своих духовных притязаний.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Роман, работа над которым началась в 1926 году, существует в нескольких редакциях. Сокращенная, журнальная, опубликована в 1927-м. Книжная,

изданная в 1928-м, включает фрагменты и сюжетные линии, отсутствующие в первопечатном варианте, и отличается от него финалом. После этого Вагинов продолжал вносить в текст изменения. Переработанный автором в 1928–1929 годы текст романа, который можно рассматривать как новую редакцию, был опубликован уже в 1991 году.

КАК ОНА НАПИСАНА?

В романе множество линий, которые развиваются параллельно; он построен как цепочка пунктирно связанных эпизодов. Миша Котиков, собирающий материалы о покойном поэте Заэвфратском, Костя Ротиков, коллекционирующий «безвкусицу» (то, что позднее назвали бы китчем), простодушно-экзальтированный поэт Троицын, критик Асфоделиев, философ Андриевский, бывший корнет Ковалев, Наташа Голубец проходят через всю книгу. Другие персонажи (например, поэт Сентябрь) появляются лишь раз или два.

При этом все персонажи, кроме двух главных, масочны: им присущи одна-две неизменные черты. Так, Ротиков кроме своих специфических научных интересов одержим эротически окрашенной страстью к маленьким собакам.

В романе действует Автор, вступающий с героями (прежде всего с «неизвестным поэтом») в беседы о том,

правильно ли они изображены, или обращающийся к читателю напрямую. Первая версия содержит послесловие с альтернативным изложением судьбы Тептёлкина. Таким образом подчеркивается условность романного пространства-времени — характерный для 1920-х годов прием.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Исследователи отмечают в романе целый ряд многослойных влияний: «петербургский текст»^{*1} русской литературы (прежде всего «Петербургские повести» Гоголя), проза Андрея Белого (в основном — в стилистике и композиции), памятники эллинизма^{*2} и итальянского барокко. Постоянна отсылка к «Жизни Аполлония Тианского» Филострата.

Наряду с этим несомненен диалог Вагинова с советской (прежде всего ленинградской) прозой 1920-х годов (от Олеси до Каверина, Добычина, Тынянова).

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Журнальная редакция напечатана в 10-м номере журнала «Звезда» за 1927 год. В следующем году первая редакция напечатана в издательстве «Прибой» тиражом 3000 экземпляров. Третья редакция была создана для второго издания, которое намечалось в Издательстве писателей в Ленинграде, но не состоялось. Она увидела свет в однотомном собрании романов Вагинова, вышедшем в 1991 году; это собрание также озаглавлено «Козлиная песнь».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Роман вызвал бурную реакцию в ленинградской литературной среде. Многие «узнавали» в его героях себя и своих знакомых. В то же время оценка советской критики была предсказуемо недоброжелательной. Большинство рецензентов характеризовали «Козлиную песнь» как «реакционный, несоветский роман о несоветских писателях»¹, указывали,

^{*1} Совокупность произведений русской литературы, в которых важную роль играет мотив Петербурга. К петербургскому тексту относятся «Медный всадник» и «Пиковая дама» Пушкина, «Петербургские повести» Гоголя, «Бедные люди», «Двойник», «Хозяйка», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Подросток» Достоевского. Понятие ввел лингвист Владимир Топоров в начале 1970-х годов.

^{*2} Период в истории Средиземноморья, продолжавшийся примерно три века, с 323 года до н.э. по 30 год до н.э. Классическая античность закончилась, на месте империи Александра Македонского возникают десятки конкурирующих государств, греческая культура смешивается с восточной. В этот период возникают стоицизм и эпикурейство, появляются труды Евклида и Архимеда, открывается Александрийская библиотека.

Н. - Петергофъ. Лѣстница Бельведера.
Péterhof. L'escalier du belvédère.

Дворец Бельведер в петергофском Луговом парке. Открытка начала XX века.
Герои «Козлиной песни» проводят время за прогулками по паркам и улицам Петергофа

что «идеологическая беспочвенность романа, его философская концепция и образная система относят и самого Вагинова к описываемой им среде»². Исключение составляла рецензия Ивана Сергиевского в «Новом мире».

О непонимании книги читателем эмиграции свидетельствует отзыв Гулливера (общий псевдоним Владислава

Ходасевича и Нины Берберовой^{*1}): «Все действующие лица, так или иначе, развратничают и отличаются друг от друга только преимущественно “изысканными” пороками. Правда, автор временами иронизирует над ними, но настолько слабо, что у читателя остается ощущение полного удовольствия, испытываемого автором от поведения героев»³.

^{*1} Нина Николаевна Берберова (1901–1993) — писательница, поэтесса. Эмигрировала во Францию вместе с Владиславом Ходасевичем в 1922 году, спустя десять лет пара разошлась. Берберова писала для эмигрантских изданий «Последние новости» и «Русская мысль», публиковала романы и циклы рассказов. В 1936 году выпустила ставшую популярной литературную биографию Чайковского. В 1950 году переехала в США, где преподавала в университетах русский язык и литературу. В 1969 году вышла книга воспоминаний Берберовой «Курсив мой».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Интерес к наследию Вагинова возник в 1960–1970-х годах. Этому способствовало два обстоятельства: во-первых, о стихах и прозе Вагинова неоднократно вспоминал друживший с ним и ставший в 1960-х культовой фигурой Михаил Бахтин; во-вторых, важным фактором стало кратковременное и случайное членство Вагинова в ОБЭРИУ и участие в вечере «Три левых часа» — легендарном публичном выступлении обэриутов. Наконец, сама «игровая» эстетика Вагинова, соотносящаяся с поисками эпохи постмодерна, способствовала интересу к его романам. Начиная с 1978 года за границей начинаются переиздания его стихов и прозы. «Козлиная песнь» вышла в 1978 году в нью-йоркском издательстве Silver Age. В СССР лишь в 1989 году в одном томе Вагинова вновь появилась первая редакция романа, а в 1991 году и третья, окончательная. С тех пор «Козлиная песнь» — признанный шедевр ленинградской прозы 1920-х, широко обсуждаемый специалистами. Ей посвящено несколько фундаментальных статей и диссертаций.

ПОЧЕМУ РОМАН ТАК НАЗЫВАЕТСЯ?

«Козлиная песнь» — буквальный перевод греческого слова *τραγῳδία*, «трагедия». Прообраз античной трагедии — песнопения в честь Диониса, которые

исполняли певцы в козлиных масках. Этот буквальный перевод в русском культурном контексте вызывает «низкие», комические ассоциации, что и является целью автора. Интересно, что ни один из рецензентов не понял название романа правильно.

ИЗОБРАЖЕНЫ ЛИ В РОМАНЕ РЕАЛЬНЫЕ ЛЮДИ И СОБЫТИЯ?

И да и нет.

Несомненно, сама проблематика романа, стиль поведения героев и их взаимоотношения — все это отражает реальность, хотя и в причудливо преображенной форме. Многие черты героев так или иначе восходят к чертам некоторых знакомых Вагинова.

В то же время однозначно отождествлять каждого героя с тем или иным прототипом неверно. Роман Вагинова (в отличие, например, от «Алмазного моего венца» Валентина Катаева) не рассчитан на такое «отгадывающее» чтение. Лишь немногие персонажи имеют однозначно идентифицируемых прототипов. В числе этих немногих — поэт Сентябрь, явное изображение поэта Венедикта Марта (Матвеева). Автор меняет некоторые подробности на аналогичные (Венедикт Матвеев приехал из Владивостока, поэт Сентябрь — откуда-то «из Персии»). Но даже маленький сын Сентября, «зайченок» Эдгар — это, несомненно, сын

Венедикта Марта Иоанн-Уолт-Зангвильд Матвеев, впоследствии знаменитый поэт второй эмиграции Иван Елагин.

С другими героями дело обстоит сложнее. Судя по всему, главный прототип Миши Котикова — писатель Павел Лукницкий, собиравший материалы о Николае Гумилеве (образ и биография которого определенным образом пародируются в описании Заэвфратского). Так же как Котиков, Лукницкий собирал сведения в том числе у возлюбленных Гумилева, и с некоторыми из них (например, с певицей Ниной Шишкиной) у него самого начинались романы. Но в то же время Вагинов использует черты Павла Медведева, который собирал материалы о Блоке и имел близкие отношения с его вдовой. (У Вагинова это принимает гипертрофированную форму: Котиков женится на вдове Заэвфратского, пытаясь полностью слиться со своим кумиром.) Наконец, житейская профессия Котикова — та же, что была у деда, прадеда и прапрадеда Вагинова, известных петербургских зубных врачей Вагенгеймов. Другому герою, Косте Ротикову, Вагинов, наряду с чертами переводчика Ивана Лихачева, «дарит» собственное имя.

Наиболее тесно связан со своим прототипом — литературоведом Львом Васильевичем Пумпянским — Тептёлкин. Совпадают и многие факты

биографии (профессорство во время Гражданской войны в провинции — правда, не на юге, а в Витебске; жизнь в «башне» в Петергофе и т.д.), и высказываемые идеи, и сам склад личности (нервический, не чуждый экзальтации), и отношения с «неизвестным поэтом» (во многом воспроизводящие отношения Пумпянского с Вагиновым), и «обращение» в господствующую идеологию (в 1925 году Пумпянский, ранее идеалист и христианин, стал правоверным марксистом). Роман и брак Тептёлкина с Марьей Петровной Далматовой — намек на сложные и эмоциональные (но чисто платонические) отношения Пумпянского с пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной. Однако при этом музыкальная карьера Юдиной выносится за скобки, не касается Вагинов и еврейской темы (Пумпянский и Юдина — евреи, перешедшие в православие в зрелом возрасте и по идейным причинам, и это, разумеется, не последнее обстоятельство в их биографиях). Так или иначе, Пумпянский был единственным из прототипов героев романа, кто вслух заявил о своей обиде и разорвал отношения с Вагиновым.

Тем не менее и в образе Тептёлкина отразились детали биографий других знакомых Вагинова. Например, поэт Петр Волков, соратник Вагинова по группе «Островитяне»^{*1}, стал

^{*1} Литературное объединение четырех петроградских поэтов — Сергея Колбасьева, Николая Тихонова, Петра Волкова и Константина Вагинова. У «Островитян» не было четкой

управдомом и под давлением жены перестал писать стихи (Тептёлкина в романе выбирают председателем домового комитета).

СЛУЧАЙНЫ ЛИ ИМЕНА ГЕРОЕВ? ЕСТЬ ЛИ В НИХ КАКОЙ-ТО ОБЩИЙ ПРИНЦИП?

Принцип образования имен героев различен.

Тептёлкин — собирательное прозвище обывателя в кругу Бахтина — Пумпянского. Давая его на первый взгляд одухотворенному и утонченному персонажу (прототипом которого к тому же служит Пумпянский), Вагинов подчеркивает его тайную «обывательскую» природу. В конце концов Тептёлкин осознает, что «нет бездны между ним и бухгалтером, что все они, в общем, говорят о культуре, к которой не принадлежат». В другом варианте судьбы Тептёлкина, изложенном в послесловии к первой редакции, он превращается в мещанина агрессивного:

Совсем не малое место занял он
в жизни, никогда его не охватывало
сомненье в самом себе, никогда

Тептёлкин не думал, что он не принадлежит к высокой культуре, не себя, а свою мечту счел он ложью.

Совсем не бедным клубным работником стал Тептёлкин, а видным, но глупым чиновником. И никакого садика во дворе не разводил Тептёлкин, а напротив — он кричал на бедных чиновников и был страшно речист и горд достигнутым положением.

Имена Котикова и Ротикова напоминают стихотворение Николая Заболоцкого «Ивановы», написанное, правда, чуть позже, весной 1928-го:

*Иные — дуньками одеты,
сидеть не могут взаперти;
ногами делая балеты,
они идут. Куда идти,
кому нести кровавый ротик,
кому сказать сегодня «котик»,
у чьей постели бросить ботик
и дернуть кнопку на груди?
Неужто некуда идти?*

Возможно, эти два текста имеют общий источник — детское стихотворение Жуковского:

*Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый*

художественной концепции, они пытались объединить несколько творческих методов. В 1921 году выпускают первый машинописный групповой сборник, в 1922 году Тихонов и Колбасев подают заявление в литературное объединение «Серапионовы братья» — и группа распадается.

*За коти́ком ходит,
И лапчóчкой котик
Пома́дит свой ротик,
А козлик седóю
Тря́сет боро́дою.*

Иногда фамилия героя созвучна фамилии прототипа (или одного из прототипов). В случае Троицына это, без сомнения, Всеволод Рождественский, имя поэта Сентября образовано от реального псевдонима Март. Впрочем, к таким отождествлениям надо подходить осторожно; например, Свечина принято отождествлять с писателем

Сергеем Колбасьевым, в частности на следующих основаниях: фамилия Свечин напоминает о фамилии Колбасьев (фаллический символ!), Свечин в романе — бывший артиллерийский офицер, а Колбасьев — офицер морской. Однако Колбасьев явно не признал себя в Свечине — персонаже крайне неприглядном, цинике и насильнике. Его дружба с Вагиновым продолжалась, впоследствии Колбасьев вместе с несколькими другими писателями подписал некролог Вагинову и, по свидетельству мемуаристов, плакал на его похоронах.

Царицын павильон в Петергофе. Открытка начала XX века